

Великая мать любви

М
М
Н
Б

18+ содержит нецензурную брань

Эдуард Лимонов
Великая мать любви

«Альпина Диджитал»

1987, 1988

Лимонов Э. В.

Великая мать любви / Э. В. Лимонов — «Альпина Диджитал»,
1987, 1988

ISBN 978-5-00-139827-1

После отъезда из США Эдичка живет во Франции. Здесь выходит его первый роман, который впоследствии станет культовым, но пока про него не пишут, он с трудом сводит концы с концами, мерзнет в неотопливаемой студии и живет впроголодь. Но русский поэт знавал и куда более худшие времена. «Великая мать любви» – сборник рассказов об эмиграции и не только, где художественная проза, как всегда у Лимонова, предельно смыкается с мемуарной.

ISBN 978-5-00-139827-1

© Лимонов Э. В., 1987, 1988
© Альпина Диджитал, 1987, 1988

Содержание

Рекомендуем книги по теме	6
Великая мать любви	10
Великая мать любви	10
Падение Мишеля Бертъе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эдуард Лимонов

Великая мать любви: [рассказы]

Издатель *П. Подкосов*

Продюсер *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Аксёнова, Ю. Сысоева*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Фото автора на обложке *Дмитрий Савицкий*

© Эдуард Лимонов, 1987, 1988

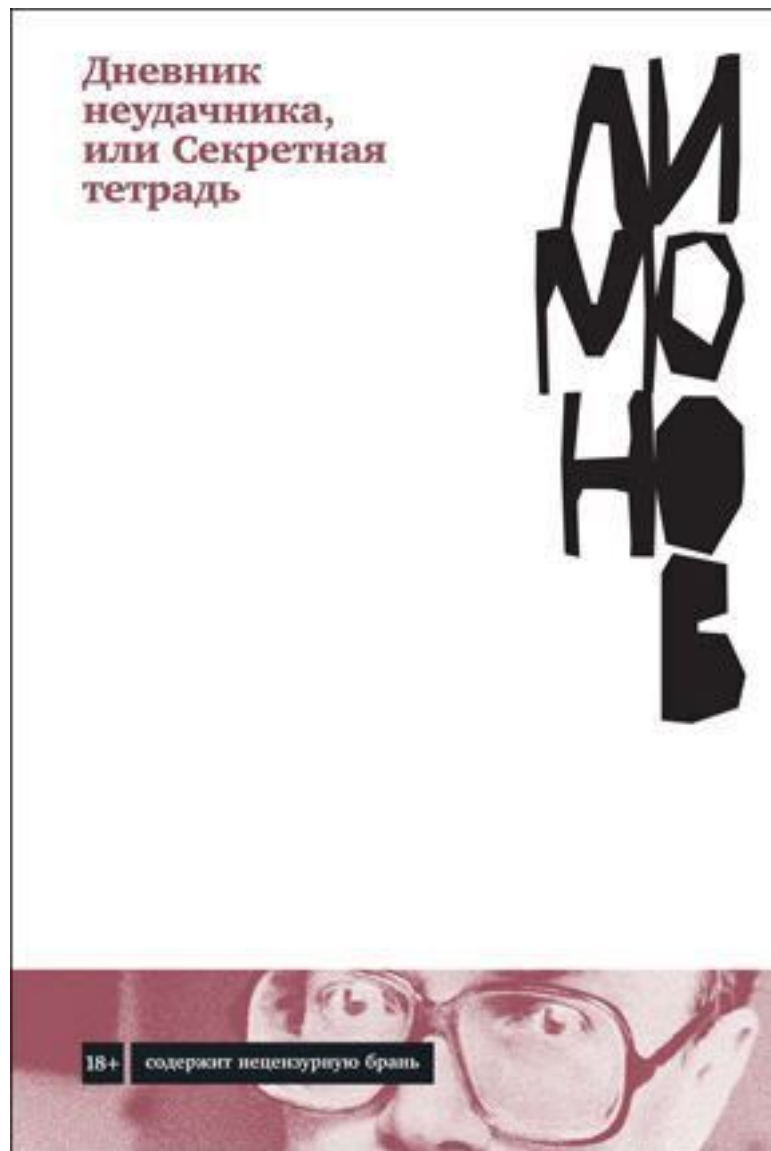
© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Рекомендуем книги по теме

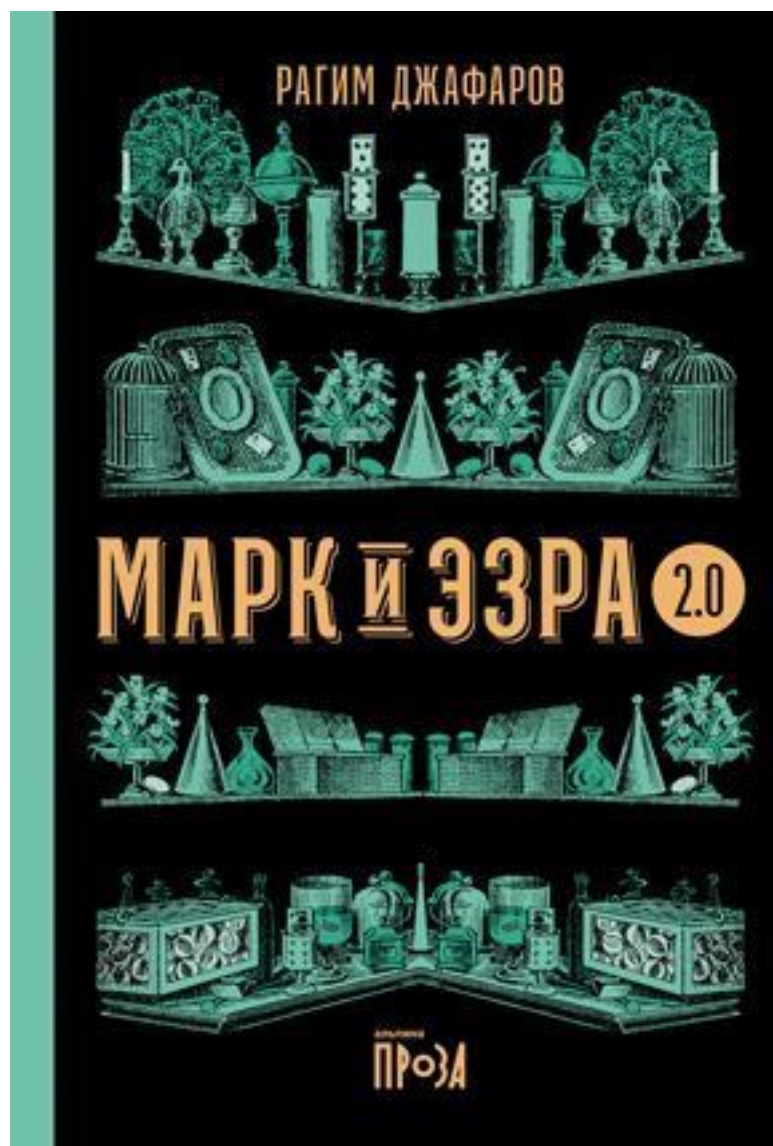
[Дневник неудачника, или Секретная тетрадь](#)
Эдуард Лимонов

Чёрное пальто: Страшные случаи
Людмила Петрушевская

Мир и хохот
Юрий Мамлеев

Марк и Эзра 2.0
Рагим Джафаров

Великая мать любви

Великая мать любви

«И они еще жалуются, хотят лучшей жизни... Еда валяется у них под ногами...» Я присел и пошарил в ящике рукой. Выудил из месива холодных листьев и корней пару лимонов. Шкура лишь одного была тронута пятнами. Второй был свеж, как будто, спелый, свалился в ящик с лимонного дерева. «Выбрасывать такие полноценные фрукты! Однако верно и то, что брезгливый парижский потребитель не купит лимон с пятнышком на коже... Цивилизация избаловала их...»

Меня она еще не успела избаловать. Посему я смело запустил руку в ящик с отходами салата и в холодном свете уличного фонаря выбрал лучшие листья. Декабрьский ветер поддувал под китайский ватник. От перебирания мокрых отбросов руки заледенели. Мне хотелось найти капусту, но капусты сегодня не было. Выбросили десяток картошин – вполне приличных. Я нашел толстокожее большое яблоко, забракованное неизвестно за какие скрытые дефекты, прихватил как мог много пустых ящиков, засунув маленькие в большие, и отправился *chez moi*¹. На пересечении рю Рамбуто с рю Архивов в лицо мне больно швырнуло снежной крупой. Был декабрь 1980 года, деньги, привезенные из Америки, давно растаяли, и я гордо существовал на литературные доходы. Сравнивая свою жизнь в Париже с «бедствованиями» в этом же городе Миллера и Хемингуэя, я находил их существование благополучным. Они ведь посещали кафе и рестораны! Однако мне недоставало жалости к себе, чтобы отчаяться. К тому же у меня был за плечами опыт куда более голодной жизни в Москве и Нью-Йорке.

Поднимаясь по лестнице с ящиками, я встретил жившую на самом последнем этаже, под крышей, бледную девушку с массой каштановых волос, всегда убранных по-разному, в этот вечер они выливались на плечи. Я дал себе последнее слово, что в следующий раз во что бы то ни стало заговорю с ней. Кроме финансовой проблемы, появилась голая, во всем ее бесстыдстве, проблема секса. Была еще проблема отопления жилища и множество карликовых проблем, вроде приобретения ленты для пишущей машинки и бумаги, но самым наглым образом требовали заботы о себе желудок и секс.

Я сгрузил ящики у двери, меж старых шкафов, и прошел в голову студии-трамвая, к окнам. Открыл окно и, опершись на решетку, выглянул в улицу. Далеко внизу, на углу Рамбуто и Архивов, в витрине магазина *Mille feuilles*², ярко освещенная, лежала моя первая книга. Декабрьский ветер царапал мне физиономию, студеной и сухой, но я постоял некоторое время таким образом, глядя на мою первую книгу. Никто не мог видеть меня, окна домов напротив были прочно задраены на ночь, однако, когда истеричная нервность гордеца пробежала по моему лицу, покалывая кожу, и оно (я был уверен) сделалось маниакально-горделивым, я предпочел закрыть окно. Позволив себе до этого презрительно окинуть взглядом город, то есть доступный мне открыточный срез пересечения Рамбуто и Архивов, с часами, кафе и магазином *Mille feuilles* и пробормотать: «*Et tainment, à nous deux!*»³ Знаменитую фразу Растиньяка я выучил после фразы «*Je t'appel Edouard*»⁴.

¹ К себе (франц.). – Здесь и далее примечания автора.

² «Тысяча листьев» (франц.).

³ «А сейчас кто кого!» (франц.).

⁴ «Меня зовут Эдуард» (франц.).

Поставив варить собранную на Рамбуто картошку, я сделал салат-ассорти, в него вошли лимон и яблоко. Ужин получился вполне приличный. Я знал куда худшие времена. У меня оставалось несколько тысяч франков в банке, но нужно было беречь их, студия стоила 1300 франков в месяц. Никаких денежных поступлений в будущем не предвиделось.

В ту зиму я презирал род людской, как никогда ни до, ни после не презирал его. Мне удалось издать книгу, кончающуюся словами: «Я ебал вас всех, ебанные в рот суки! Идите вы все на хуй!» Книга появилась в магазинах 23 ноября. Ожидались статьи в «Ле Монд», в «Экспрессе» и в «Ле Матэн». Каждое утро я выбегал покупать прессу, но статей о моей книге в названных изданиях не обнаруживал. Затянув китайский ватник плотнее ремешком, я возвращался в студию и, суровый, садился писать новую книгу. Вечера я проводил за чтением... что может читать борющийся с бедностью и обществом писатель? «Песни Мальдорора»! Я привез «Песни Мальдорора» в переводе на английский из Соединенных Штатов. Уцененный «Пингвин-классик», пэйпер-бэк, стоил меньше доллара. Очевидно, американцам Лотреамон был неинтересен. Ночами я ходил по рю Франк-Буржуа к Пляс де Вож.

Владелица квартиры, бодрая старушка (мадемуазель Но!), запретила мне разжигать камин, но я жег его каждый вечер. Ящики прогорали моментально, но, если мне удавалось найти старую мебель или строительные доски, в студии делалось тепло. Я приобрел китайскую пилу за 21 франк и не пользовался *electrochof fage*⁵ вовсе. По совету Исидора Дюкаса два часа в день я уделял физическим упражнениям – тренировал себя в Мальдороры.

Самой характерной особенностью моей тогдашней жизни было то, что, за исключением эпизодических randevu со служащими издательства «Рамзэй», я прекратил общение с людьми. Сентябрь, октябрь, ноябрь я провел в стерильном одиночестве. Мое существование всегда отличалось судорожным экстремизмом. Я принадлежу к категории людей, которые вдруг меняют жизнь в борделе на жизнь монастырскую. Нормальной, сбалансированной сексуальной или социальной жизни у меня никогда не было. Однако на сей раз я, кажется, зашел слишком далеко... Не имея рядом близких людей, я сосредоточил все свое внимание на девочке «с шевелюрой». Третьего декабря я заметил, что беседую сам с собой, в голос, по-английски. Я дискутировал, раздвоившись, проблему «этих девочек», то есть проституток. Моя предыдущая по времени позиция, что проституция такая же профессия, как и другие профессии, подверглась моим же нападкам. Я впал в нелогичную мистику и бормотал что-то об удушающем запахе шевелюры девочки сверху. Очнувшись от дискуссии, я обнаружил себя (нас, раздваивался я и раньше, это не был мой первый опыт раздваивания) сидящим у хрупкой двери студии в потоке холодного воздуха из-под двери и прислушивающимся к шагам на лестнице. Какая связь между девочкой с шевелюрой и проституцией? Дело в том, что я подозревал девочку сверху в проституции. Основанием послужило необычное расписание жизни ее. В то время как все обитатели последнего этажа – *chambre de bonnes*⁶ – сотрясали лестницу по утрам, она сходила по лестнице не ранее одиннадцати дня. Я справедливо полагал, что ни одна работа или учеба в мире не начинается в полдень. Подозрение усугублялось ее чрезмерно напудренным бледным личиком с жирно окрашенными губами. На личике этом, по правде говоря, не было написано вульгарности, как правило, гордо носимой жрицами любви на рю Сент-Дени, но это меня не смущало. Бодлеристый, из «Цветов зла», городской чахлый порок намалеван на этом личике, решил я. Четвертого декабря я сумел увидеть ее в дверную щель и последовал за ней. Она быстро пошла по Рамбуто, миновала Центр Помпиду и достигла бульвара Севастополь. Я победоносно уже напевал «Все хорошо, прекрасная маркиза...», предполагая, что сейчас она пересечет бульвар, дабы стать на своем углу рю Сент-Дени, но она отправилась по

⁵ Электрообогреватель (*франц.*).

⁶ Комнаты для служанок (*франц.*) – обыкновенно помещаются на самом верхнем этаже, под крышей.

бульвару вверх. Минут десять я шагал за нею, не выпуская из виду ее узкую, худенькую спину в дубленой, в талию, шубейке до пят, как вдруг она вошла в дверь высокого дома. Не имея возможности вбежать в дом тотчас вслед за нею, я выждал некоторое время, и тем, неопытный детектив, загубил всю слежку. В списке жильцов дома числилось более десяти этажей и с десятков организаций. Иди знай, куда и к кому она отправилась. Делать любовь или печатать на машинке. Подозрительнее всех показалось мне «Польское товарищество либеральных профессий» на шестом этаже направо, но я не сумел соединить эти два подозрения. Если «моя девочка» отправилась в «Польское товарищество», то каким образом это сообщается с ее предполагаемым проституированием? На типичную большую наглую блондинку – так я себе представлял полк – моя девочка не была похожа.

В самый пик моей страсти к девочке сверху – утром девятого декабря зазвонил телефон. Телефонный звонок был для меня событием из ряда вон выходящим, посему я не радовался, когда они раздавались, но пугался. Выбравшись из-под теплого одеяла хозяйки, оставив в покое свой член, который я поглаживал, вспоминая «девочку с шевелюрой», я присел на корточках у телефона – шнур был коротким. Я медлил, пытаюсь угадать, кто это может быть, возможно, девочка с волосами узнала мой телефон и звонит мне?

Нет, это не была робкая любовь нынешняя, но прошлая страсть моя, бывшая жена, звонила из Рима. «Эд! Случилось страшное. Убили Джона Леннона!» Я сделался невероятно зол. Одним махом, сразу же, еще теплый от сна. Накануне я хорошо натопил студию счастливо обнаруженными мною под грудой строительного мусора бревнами, сквозь золу в камине еще просвечивали пурпурные бока их. Даже в такой относительной идиллии она сумела раздражить меня.

– Fuck you! Джон Леннон и хитрую японку Йоко Оно. Так ему и надо...

– Ты что, с цепи сорвался, сумасшедший! Какой-то маньяк застрелил Джона Леннона у ворот дома «Дакота», на углу 72-й и Централ-парка. Очнись, сумасшедший, речь идет о Ленноне... Целое поколение потеряло лидера...

– Я никогда не любил эту сладкую семейку, «Битлз». Жадные рабочие парни, сделавшие кучи денег, меня никогда не умиляли. Тебе они должны быть близки, такие же ханжи, как и ты...

– Слушай, ты совсем охамел, – сказала она там, в Риме.

– Я имею право! – твердо заявил я в Париже.

И она знала, что я имею право. Наша с ней попытка образовать пару опять, после нескольких лет отдельной жизни (там, в Риме, у нее был законный муж!), не удалась. По ее вине. Она опять сдрейфила. Я явился в Париж в конце мая из Нью-Йорка с двумя чемоданами начинать новую жизнь. Мой издатель, Жан-Жак Повэр, в очередной раз обанкротился – остался без издательства, и контракт, который я с ним подписал, оказался недействителен. Я приехал в Париж спасать книгу. Я был готов к промоушену моей книги даже с помощью machine-gun, как я записал в дневнике того времени. Она приехала в Париж в начале июня с восьмью чемоданами и гордон-сеттером, или сеттер-гордоном, глупейшей собакой в любом случае. Но не начинать новую жизнь со мной, как я воображал, она лишь привезла приличествующее количество нарядов, дабы с блеском прожить еще одно приключение в жизни – она хотела испытать, что такое жизнь в Париже с начинающим писателем. Ее муж? О, он был тактичным графом, он отпускал ее на месяцы одну в Париж и Нью-Йорк, он был тактичен до такой степени, что предупреждал о точной дате и времени своего последующего телефонного звонка в письме!.. Выяснилось, что у нее превратные представления о жизни начинающего писателя. Ей не понравилась моя студия в виде трамвая, только голова студии была освещена, хвост терялся во тьме. Не понравился затхлый запах старых тряпок и мебели мадемуазель Но. Она возненавидела электрический туалет, шумно выкачивающий дерьмо по узкой латунной трубке в широкую канализационную трубу. В туалет этот – чудо французской канализационной тех-

ники (с мотором!) – нельзя было бросать туалетную бумагу. Ей была противна моя сидячая ванна, в которую (если я, забывшись, бросал в туалет бумагу) нагнеталось мое или ее дерьмо из туалета! Какой кошмар, у ее мужа был титул, и у нее был титул, и пожалуйста – такой туалет и такая ванна! Женщины любят читать о первых шагах впоследствии знаменитых писателей в Париже в книгах, в них дерьмо, хлюпающая, вдруг выступившее из отверстия в ванне, куда обязана стекать вода, выглядит романтичным. Но опускаться в такую ванну въяе, хотя бы и вымыв ее предварительно... Кошмар! (Камин ей, впрочем, нравился. Камин был утвержден романтической традицией как несомненный атрибут «бедной» жизни художников и артистов.)

За июнь месяц, прожитый с нею в Париже, я успел выяснить о ее характере больше, чем за несколько лет нашей совместной жизни в Москве и Нью-Йорке. Она оказалась показушницей *par excellence*. Она вдруг опять шатнулась в мою сторону, потому что ей показалось, что я начал соответствовать ее стандартам. Загружаясь в поезд в Риме с сеттер-гордоном и чемоданами, она, очевидно, думала, что едет напрямик в первые пятьдесят страниц книги Хемингуэя «Движущийся праздник». Она ошиблась, слишком забежала вперед. Кроме Жан-Жака Повэра, я не был известен ни единой душе. Ей некуда было надевать все эти восемь чемоданов тряпок. Один раз мы посетили «Липп» элегантно одетые (предвосхищая годы безденежья, я привез из Нью-Йорка смокинг и несколько первоклассных одежд), молодые и бизарр, но посетители не остолбенели и не были повергнуты в смущение. Никто и ухом не двинул. (Одна, она таки повергала в смущение знаменитостей. После сольного посещения ею «Клюзери де Лиля» я нашел у нее в сумочке целых три телефона Жан-Эдерна Аллиера и телефон Филиппа Солерса.) Мы не успели поскандалить, так как в июле, оставив половину чемоданов в моей студии, она уехала с титулованным мужем в Великобританию. Она всего лишь обозвала меня на прощание скрягой...

В августе она позвонила мне, чтобы сказать, что она в Париже и остановилась в отеле «Тремуйай». Все забыв, я помчался в такси к ней. Красивая, в соломенной шляпке с цветами, она мальчишески разгуливала по холлу. Мы бросились друг к другу и срочно поднялись к ней в комнату, чтобы совокупиться. Ближе к вечеру, сидя в ресторане, я узнал, что за отель «Тремуйай» буду платить я. Я имел глупость похвалиться ей в открытке, что заключил с Жан-Жаком Повэром и издательством «Рамзэй» новый контракт, за какой получил вдвое больше денег.

Декларируя письменно любовь к любимой женщине в только что проданной книге, мужчина не может так вот сразу выпалить: «Собирай вещи, переезжаем ко мне! Безумие платить девятьсот франков в день за комнату в отеле, когда я плачу 1300 в месяц за студию!» Только по прошествии четырех дней мне удалось увезти недовольную аристократку на рю Архивов. Отсчитывая деньги розоволицему кассиру отеля, я видел не пятисотфранковые билеты, но корзины с провизией, могущей обеспечить мой желудок на многие месяцы вперед... Уже через неделю мы разругались вдребезги. Она швырнула в меня блюдом с вишнями, англо-французским словарем и покинула улицу Архивов. К моему облегчению. В пределах территории двух постелей студии, в горизонтальных или близких к горизонтальным положениям наша жизнь была великолепна, но как только мы выбирались из постелей, начинались стычки и разногласия. Она не звонила мне всю осень. И вот убили Джона Леннона.

– Повезло человеку, – сказал я. – Что его ожидало в любом случае? Старение, судьба толстого бора Пресли? Охуение от драгс и алкоголя... Благодаря тому, что его пришили, нам не придется увидеть его в загнившем состоянии. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь пристрелил меня, когда я напишу все, что мне нужно. Парня этого, который его убрал, объективно рассуждая, благодарить бы нужно...

– У тебя нет ничего святого, – сказала она.

– У тебя зато есть. Ты никого не любишь, кроме своей пизды. И мужа своего не любишь, но эксплуатируешь, – прибавил я, предвосхищая ее ответ.

– Неправда! – закричала она. – Я люблю свою сестру и маму люблю!

– Кончай демагогию, – сказал я. – Любовь – не твоя страсть. Твоя страсть – страх. Боязнь жизни. Потому ты всегда стремилась спрятаться от жизни за мужскую спину, в теплое, красивое стойло.

– Неправда! – вскричала она. – Я любила тебя и ушла от богатого мужа, вдвое старше меня, который относился ко мне как любящий папа, к тебе, безденежному поэту. У тебя было пятьдесят рублей денег, когда я ушла к тебе, ты забыл? И глупая, вышитая крестиком украинская рубашка. Одна. В ней ты читал стихи. Ты снимал желтую комнату в девять квадратных метров в коммунальной квартире. . . Я не побоялась жизни, я, не умея плавать, прыгнула в нее!

– Это не твоя была храбрость, *my dear*, но храбрость твоей пизды. Тебе было двадцать два года, и ты хотела ебаться, безудержно хотела ебаться, а твой муж, погасив свет, ебал тебя ровно три минуты! Ты же хотела ебаться сто минут, двести, всегда! Ты ушла ко мне, потому что я тебя хорошо ебал, вот что! В Нью-Йорке мой хуй тебе надоел, и тебе стало страшно бедности, в которую мы попали. Ты заметалась от мужчины к мужчине в поисках теплого стойла. . .

– Каким же монстром ты стал, Лимонов! – сказала она грустно.

– Прекрасно! – сказал я. – Я счастлив быть монстром. Не звони мне, пожалуйста, впредь! Пусть твой муж-фашист утешит тебя в горе.

И я положил трубку. Ее титулованный граф был членом фашистской партии, она сама мне об этом рассказывала. Я надел красные сапоги, брюки, куртку и спустился за прессой. С манерами бывалого аборигена я отобрал и купил четыре газеты и «Экспресс». Это был день «Экспресса». Я стеснялся листать издания и потому неразумно тратил деньги. Во мне всегда, до эксцентричности, была развита гордость. Я поднялся к себе. Вместо обещанной атташе-де-пресс статьи о книге Лимонова (на этот раз точно, Эдвард, уверила меня Коринн по телефону) на несколько страниц растянулась статья о писателях Квебека.

– Кому, на хуй, нужны писатели Квебека? – думал я злобно, закурив житанину. Я стал курить «Житан» вместо «Малборо», они были на три франка дешевле. Иногда, чтобы поощрить себя, я приобретал себе литр рому «Негрита» – самого дешевого алкоголя, какой было возможно обнаружить. У рома был запах неочищенной нефти. В недрах одного из шкафов были спрятаны остатки марихуаны. (В свое время я привез из Юнайтед Стейтс несколько унций, предполагая, что трава пригодится мне в стране французов.) Марихуану я берег для секса, поскольку даже идиоту известно, что это афродизиак. Трава нужна была мне, чтобы соблазнять женщин и соблазняться женщинами.

Писатели Квебека, счастливы, в парках и шапках, скалились со страниц «Экспресса». «О чем могут рассказать читателю личности с такими вот лицами, как у писателей Квебека? – подумал я. – О чем?» Мидл-классовые, хорошо питающиеся лица обыкновенных людей среднего и преклонного возрастов. Страсти позади. Несложные, как у большинства населения, взгляды на жизнь. Вот этот, может быть, описал путешествие на собаках через северные области Канады (на фото он был с собаками). Ну и хуля, на лошадях ли, на быках, на собаках, если в голове у тебя обычные скучности, то что ты можешь сказать читателю? Я прикинул, как будет выглядеть на странице моя фотография. «Я ебал вас в рот, идите вы все на хуй, ебанные суки!» – пришла мне в голову последняя фраза моего романа. «Я тут, читатели, на рю Архивов, я здесь, я жив!» – закричал я для пробы и прислушался. За стеной молодой муж с усиками, он всегда аккуратно здоровался со мной, если мы встречались на лестнице (атташе-кейс, легкое бежевое пальто), прокричал жене (рыхлая беременная женщина, брюнетка) нечто злобное, перемежая неизвестные мне слова известными мне ругательствами. «*Ta gueule! Salope!*»⁷ Их страсти были шумнее моей молчаливой борьбы с призраками.

К двадцатым числам декабря, исключая небольшую заметку в провинциальной, не парижской газете, показавшуюся мне убогой (хотя атташе и уверила меня, что у газеты полу-

⁷ «Заткнись! Блядь!» (франц.)

торамиллионный тираж), критики на мою книгу так и не появилось. Внешне я жил той же жизнью. Писал роман о человеке, живущем в студии с сообщающимися туалетом и ванной, собирал на Рамбуто подгнившие овощи и ящики для камина, с должной дистанцией покупал в определенные дни прессу. Лишь большее количество бутылок из-под рома «Негрита» скопилось у двери и большее количество житанов выкуривалось за день. Однажды, идя по рю Сент-Андре-дез-Арт, глядя себе под ноги, я увидел, что серый тротуар расплывается, корежится и пучится таким образом, словно из него собирается вылезти дерево или фонарный столб. Чтобы не упасть, мне пришлось опуститься на грязные плиты... В другой раз, день был такой тошно-серый, что даже по парижским стандартам казался гнусным днем, я взглянул в окно. Здание напротив показалось мне головой очень старой женщины. Седые волосы – крыша, с воткнутыми в них косо приколками антенн и гребешками каминных труб, – покрывали старое, растрескавшееся и обильно запыленное лицо. Я отшагнул к столу и вгляделся в текст, только что отстуканный мною на машинке. «Я – ВЕЛИКАЯ МАТЬ ЛЮБВИ», – отстучал писатель Эдвард Лимонов несколько раз подряд. Текст был не о древних религиях Месопотамии, в рассказе речь шла о моем пребывании в Калифорнии, среди новых мафиози – эмигрантов из СССР. Каким же образом попала туда Великая мать, да еще и в нескольких экземплярах? И уж если попала, то Эдуард Лимонов – мужчина, как он может быть Великой матерью? Что-то не так, Эдвард...

Я понял, что схожу с ума. Не потому, что у меня больная психика, дефективные нервы или же я унаследовал безумие от порченой тети или порченого дяди. Я закономерно схожу с ума, потому что заигрался в Мальдорора-супермена, что, полагаясь на свое здоровье и равновесие, забрался в своем одиночестве так далеко, как никогда еще не забирался. В Париже жили сотни русских, какая-то часть их с удовольствием общалась бы со мной, стоило мне высказать желание. Но, гордый, я не желал общаться с соотечественниками, воспринимая это как слабость. Я хотел общаться с личностями, достойными Эдуарда Лимонова, опубликовавшего книгу в коллекции Жан-Жака Повэра chez⁸ «Рамзэй». С достойными – или ни с кем... Оказалось, что человек, в данном случае я, не может как угодно долго находиться один, что есть лимит одиночества. Нужно было спасаться. Следовало идти к людям. Я поднялся по лестнице и прижал ухо к двери девочки с шевелюрой. Прерываемый ее легким и взволнованным, оттуда прогудел на меня мужской голос. Я попятился к лестнице...

У себя в студии я прошел к окну и открыл его. Лицезрением моей книги в витрине Mille feuilles я рассчитывал вернуть себя в состояние маниакальности. Увы, книга из витрины исчезла. На ее месте лежала чужая книга в красно-белой обложке.

Грубо, как аларм в мясном магазине, забился в судорогах телефон.

– Хэлло!

– Вы говорите по-русски, да? Меня зовут Моник Дюпрэ. Пишется одним словом – Дюпрэ. Атташе-де-пресс chez «Рамзэй» дала мне ваш телефон. Я журналист для (последовало невнятное название газеты или журнала). Я читаю ваша книга. Можно вас увидеть сегодня?

– Можно, – сказал я и попытался по голосу представить, как она выглядит и сколько ей лет. Но сколько бы ни было, решил я, я выебу ее, иначе не буду себя уважать. Чем же и спасаются от безумия, как не пиздой. Лучшее средство.

Через пару часов она материализовалась на пороге моей студии в крупную даму в шерстистом зеленом пальто. В руках у нее было несколько пластиковых супермаркетовских пакетов. И, переброшенная через шею и плечо, висела на ней большая сума. Звякнув пакетами, она установила их под вешалку.

– У вась очень хорошьё, – сказала она, снимая шерстистое пальто и любопытно оглядывая помещение.

⁸ Здесь в значении: у издательства «Рамзэй» (франц.).

Под пальто на ней был неопределенного цвета балахон в татуировке мелких цветочков, из тех, что носят обыкновенно консьержки. Коротко стриженная, загорелая, и – о ужас – босые мускулистые икры торчали из-под балахона, на ногах крепкие туфли без каблуков, она прошла в голову моего трамвая, к окнам.

– Читая ваша книга, я представляла, что вы должны жить совсем плёхо. Извини, можно я буду говорить тебе «ти»?

– Можно, – согласился я и поместил ее возраст где-то между пятьюдесятью и пятьюдесятью пятью. Еще пяток лет – и она годилась бы мне в мамы. – Где вы так хорошо научились говорить по-русски? Вы что, русского происхождения?

– Но, нет, я стопроцентный французенкья! – засмеялась она. – Я долго жила в Москве, потому что мой муж, индустриалист, делал там бизнес с советски. Два мой сына ходили там в школу. – Усевшись, она широко расставила ноги под балахоном и уперлась ладонями в колени. – Твой книга меня очень тушэ, очень-очень затьрогал. Мне твой историй очень близок... Любюв твоей мне понятен. У меня остался большюй любюв в Москва. Его зовут Витькья... Ох, Витькья... – Лицо ее приняло нежное выражение. – Мой малчик Витькья, такой красивый, такой хорешый. Я совсем недавно живу в Париж, Эдуар, только один с половиной год как из Москва. Французский человек ужасны, материальный совсем... Я хочу всегда обратно, в Москва, где Витькья... Я всегда плачю... – Она смахнула невидимую слезу.

Я кивал головой и думал, почему она не вынимает магнитофон или блокнот и не задает мне вопросов.

– Ты хочешь выпить и кушать? – сказала она и встала. – Я принесла хороший вина и кушать тоже. Я знаю, что ты бедни, потому ми должны кушать. Я очень научилась русски обычай в Москва. – И она по-хозяйски прошагала к вешалке.

Глядя на нее в перспективе, я решил, что она похожа на одно из приземистых коротких бревен, которые мне удалось недавно обнаружить на рю Блан-Манто. До того, как я их распилил. Бревно в сарафане. Никакой русский обычай не предусматривает приход в дом незнакомого тебе человека с сумками еды.

– Вот, – сказала она, – хороший бели и красны вино. – «Блан де Блан» и «Кот дю Рон» стали на мой стол. – Вот pate⁹ (она вынула патэ в глиняной чашке). Кольба са... Риэт...¹⁰ – Стуча продуктами, она выставляла мини-гастроном на мой рабочий стол.

«Она насилует меня самым наглым образом», подумал я. Однако она приступила к сдиранию упаковок с припасов, и запах свежей еды заполнил студию. Отвернувшись к окну, я проглотил слюну. Я хотел есть. И я любил именно риэт и свиную колбасу – жирные, крепко-холестеринные блюда.

– Я должна тебе признаться, что я обманула атташе-де-пресс. – Она рассмеялась. – Я сказала, что я жюрнальисткья, чтоб получить твой телефон, но мнье так ньярвилась твоя книга... – Ее окрашенные синим веки виновато опустились и поднялись несколько раз, прося прощения, обнажая черные боевые зрочки нахалки. – Давай кушать. У тебя есть тарельки?

Через полчаса мы сидели рядом на диване-конвертабл, я курил марихуану, а она рассказывала мне, насколько наши души похожи, ее душа и моя. Ее русский, и до этого полный лишних мягких знаков, после «Кот дю Рон» и «Блан де Блан» истекал соками. «Моя» Елена и «ее» Витька также, по ее мнению, были похожи – любимые нами чудовища. Из того, что она успела мне рассказать о «такой красивый Витькья», я привычно сложил из элементов образ бездельника, мелкого фарцовщика и даже не макро¹¹ или жиголо, но приживальщика, оставшегося в столице Союза Советских, но и на расстоянии не дающего пизде и воображению мадам Дюпрэ

⁹ Паштет (франц.).

¹⁰ Тушенка (франц.).

¹¹ Сутенер (франц.).

покая. С Витькой мне все было ясно, Витька доил иностранку, «раскалывал» ее на костюмы и свитера, зажигалки и всяческие приятные мелочи. У Витьки, у ленивого бездельника, не было даже достаточно энергии, чтобы найти себе иностранку помоложе. Однако следовало ебать мадам Дюпрэ, ведь я пообещал себе это – первый акт курса лечения моей расшатанной одиночеством психики, еще когда беседовал с ней по телефону. Она совершенно мне не нравилась. Ни ее сарафан, ни ее возраст, ни бревнообразная фигура, ни скользкие синие тонкие губы, ни седина в ее короткой прическе под мальчика, ни веснушчатые руки ее мне не нравились. Но необходимо было освободиться от оцепенения перед жизнью, от гипноза, в какой-то я погрузил себя сам (самогипноз – самый эффективный из гипнозов). «Выебу мадам Дюпрэ, а потом выебу эту девочку сверху», – сказал я себе. Так ребенку обещают сладкое на десерт, если он съест суп.

– Ты такой сенсативь... – донеслось до меня. – Витькья...

Нужно было действовать без промедления, ибо она намеревалась украсть у меня победу – выебать меня. С самого начала, с момента, когда она стала выкладывать свои жирные припасы на мой стол, у меня не было сомнения, что она пришла меня выебать... Аккуратно притупив ногтем марихуанный джойнт, я положил его в хозяйкину пепельницу. Неуклюже, сдирая с дивана хозяйкин плед, но без колебаний, я придвинулся к Витькиной женщине. Крупным планом надвинулись ее узкие губы, смятый кусок шеи и цепочка на ней. Губы не были мне нужны. Не совсем понимая, что мне нужно, я нажал на ее плечи, и она послушно, лишь вздохнув, съехала вниз. Ее вздох подтвердил мою догадку, что она любит первая хватать мужчин за член. Мне удалось досадить ей, предвосхитив попытку. От сознания того, что я краду у нее часть удовольствия, процесс сволокивания ее на пол студии доставил мне удовольствие. Сволокши, я приспособил ее, грудь на диване, зад обращен ко мне, и запустил руки под сарафан. Под сарафаном оказался по-мужски твердый зад, покрытый шершавыми трусами из толстого акрила. «Ни единого мягкого куска!» – отметил я с сожалением, проползая руками талию, вернее полное отсутствие талии, мадам Дюпрэ лишь едва заметно сужалась в этом районе... Я дополз до грудей. Они оказались маленькими и резиновыми на ощупь. «Бедный Витька!» – пожалел я соотечественника и решил вызвать в себе желание тем, что внушить себе, что мадам мне противна... Задрвав сарафан далеко ей на руки и голову, я стащил (действуя как можно грубее) акриловую броню, и – о счастье! – у нее оказался отвратительный запах...

– Почему ты не открываешь глаз, Моник? – спросил я ее, вернувшись к своему марихуанному джойнту.

Оправив сарафан, она, однако, осталась на полу, прикрыв ладонью глаза. И не шевелилась.

– Мне стыдно перед Витькья... – прохныкала она.

– Витька далеко, в Москве, – сказал я. – Он не видит.

Для себя я подумал, что Витька, если бы вдруг, согласно невероятному какому-нибудь чуду, вошел бы сейчас в студию, то, переступив через нее, протянул бы руку к джойнту. «Дай потянуть, мужик?» – сказал бы Витька. И потянув, допил бы полстакана «Блан де Блан», оставшиеся в бутылке. И уж после этого, может быть, заметил бы ее. «Бонжур, Монястый!»

Сержант, как я окрестил мадам Дюпрэ, пережила стыд перед Витькой. Я трахнул ее еще (спасибо мисс марихуане!) и наутро чувствовал себя великолепно. Стараясь не глядеть на одевающегося Сержанта (короткие ноги, твердый зад, широкие плечи, кошмар!), я оделся и, спускаясь с ней по лестнице, был уверен, что обнаружу статью о моей книге в сегодняшней прессе. Жизнь подобна напряженному и чуткому магнитному полю, и, когда твое веселое и бодрое тело излучает силу в мир, оно, несомненно, оказывает влияние на сложные волны воле вокруг, и они подвигаются. Сержант, спускаясь за мной, жаловалась на то, что ей стыдно. Однако теперь ей было стыдно не перед Витькой, но перед сыновьями за то, что она не ночевала дома. Я был

уверен, что она переживет и этот стыд. Стоя у окон агентства страхования «Барбара», мы расстались. «Я позвоню тебе вечером, – сказала Сержант. – Можно? Что ты делаешь вечером?» Кажется, она намеревалась продолжить разговор о том, какие мы с ней «сенсативные» и какие моя бывшая жена и Витька чудовища.

«Экспресс» напечатал статью о моей книге! Статья была большая. Чтобы понять, хорошая это статья или плохая, я вооружился двумя словарями и сел у окна. Дом напротив больше не казался мне головой седой дамы, но, освещенный быющим из-за моей спины, со стороны церкви Нотр-Дам-де-Блан-Манто, солнцем, он казался мне этой самой Нашей Дамой Белых Пальто. Статья была положительная. Писали, что наконец у русских появился «нормальный» писатель...

Во второй половине дня я находился в процессе уничтожения оставленных Сержантом припасов, телефон подал голос. Я с неохотой отвлекся от ризета. После ризета я собирался постучать в дверь девочки с волосами. «Bonjour, je suis votre voisin. Voulez-vous coucher avec moi?»¹² Мы спустимся ко мне, и «Экспресс» будет небрежно валяться на диване... Переместившись из монашеского периода в бордельный, я немедленно приобрел необходимую наглость.

– Могу я говорить с Эдвардом Лимоновым? – спросили по-английски. Женщина.

– Конечно, – сказал я, обрадовавшись английскому. Сноб, я презирал русский язык, а учиться французскому медлил. – Говорите.

– Я узнала ваш телефон у атташе-де-пресс издательства «Рамзэй», – сказала она. (Нужно будет купить Коринн цветы, подумал я.) – Мой муж – писатель Марко Бранчич. Сегодня «Экспресс» опубликовал статью о его книге. Рядом со статьей о вашей. Вы видели? – Она приветливо засмеялась в трубку. – В той же рубрике – «Иностраннный роман». Мы югославы.

Я заметил в «Экспрессе» лишь свою рожу и «Ю-Эс-Арми»-тишорт на груди Эдварда Лимонова, но смех ее мне понравился. Почти наверняка она окажется лучше Сержанта.

– Да, – сказал я, – конечно, видел, прекрасная статья!

– Я извиняюсь за то, что я так вот запросто вам звоню, у французов так не принято, но я подумала, что вы русский... Короче говоря, вы заняты сегодня вечером?

– Нет, – решительно ответил я, готовый к любому приключению.

– Дело в том, что по странному совпадению у меня сегодня день рождения. – Она еще раз засмеялась, и я решил, что она уже отметила свой день рождения, выпила. – Хотите приехать к нам?

– Хочу. С удовольствием приеду.

– Мы будем очень-очень рады, – сказала она. – Я и мой муж... Запишите адрес. Мы живем в Монтрёй. Это не близко, но и не на краю света. У вас есть автомобиль?.. Ну не страшно, в метро это не более получаса... Гостей будет немного. Несколько друзей...

Я приобрел бутылку водки и цветы за 25 франков. Невозможно было явиться к женщине с таким голосом без цветов. «Сэкономлю впоследствии, – решил я, – буду питаться исключительно овощами с тротуаров рю Рамбуто».

Я плохо знал тогда Париж и совсем не знал Монтрёй. Но я добрался без происшествий до указанной мне станции метро, где меня должен был встретить ее муж. «Вы узнаете друг друга по фотографиям в "Экспрессе"», – счастливо сказала она. И мы узнали. Одновременно. В черном узком пальто, в темных очках, со свисающим набок, чуть на темные очки, чубом, он выделялся среди толпившихся у станции арабов и черных. Он был единственным блондином.

«Приятно познакомиться, Эдуард, – сказал он по-русски и улыбнулся куда-то вниз. В том, что югослав говорит по-русски, ничего удивительного не было. – Пойдемте, тут совсем недалеко». По его мягкому выговору и манерам можно было предположить, что он мягкий и приятный человек. Что и подтвердилось впоследствии.

¹² «Здравствуйте, я ваш сосед. Вы хотите выспаться со мной?» (франц.)

Окраина была застроена дешевыми коробками для бедных. Подобные кварталы окружают все большие города мира, включая советские. Дом, подъезд, квартира – если исключить граффити по-французски и арабски и черную кожу части соседей, вполне можно было представить себе, что я приехал на московскую окраину. Изабель Бранчич оказалась латиноамериканкой. Маленькая, носатая, черные волосы завернуты в одну сторону черепа и заколоты. В брюках. Я вручил ей цветы и бутылку в прихожей, стены ее были окрашены в черный цвет. «Моя идея, не совсем удачная, – сказал Марко Бранчич по-английски. – Кстати, как ваш французский, мы можем говорить по-французски, если вы хотите. К сожалению, русского, кроме нас с вами, никто не понимает». Я признался в своей импотенции в области французского языка и отметил, что квартира их хорошо пахнет. Чем-то свежесовременным пахло, перекрывая разумный, ненавязчивый запах еды.

В салоне сидели на полу вокруг низкого стола несколько человек. Я обошел их. «Мишель. Журналист». Очки. Клоки волос здесь и там по черепу. Такими изображают преждевременно полысевших в комиксах. «Колетт. Жена Мишеля. Доктор». Тяжелые челюсти северного (Бретань? Нормандия?) лица, зеленое платье. «Сюзен». Очкастая Сюзен сочла нужным встать с пола. Встав, она оказалась здоровенной дамой на голову выше меня, бестактно одетой в ковбойские сапоги и цветастую юбку.

– Сюзен нас изучает. – Освободившись от пальто, Марко вернулся в комнату в темной куртке без воротника и с накладными карманами. Если бы писателям полагалась униформа, выбрали бы именно такой вот френчик. – Сюзен изучает славянскую и восточноевропейские литературы. Она американка. Эдвард много лет жил в Нью-Йорке, – пояснил он ей.

Я подумал было, откуда он знает все это, но вспомнил, что моя краткая биография была пересказана в статье.

Я, может быть, и одичал за несколько месяцев жизни без человеческого общества, но вовсе не желал прослыть дикарем. Мы выпили шампанского за Изабель. И еще шампанского за наш с Марко дебют в литературе. Я опустил рядом с Сюзен, скрестил ноги, и мы заговорили о славянской литературе по-английски. Я выяснил, что Лошадь (я имею ужасную привычку тотчас придумывать людям клички) никогда не была в Нью-Йорке. В момент, когда я это выяснил, в комнату вбежала рыжеволосая дочь Бранчичей, и я забыл о взрослых.

Очевидно, кто-то из Бранчичей учился верховой езде. Рыжеволосый демон влетел с плеткой в руке и набросился на гостей. Пока она хлестала мою соседку Лошадь, я заметил, что девчонкин прикус зубами губы – неполный. Отсутствовал один передний зуб. Девчонка обрабатывала бока Сюзен дольше, чем другие бока. В конце концов, поймав несколько брошенных ею из-под ресниц взглядов, я понял, что она избивает американку для меня. От девчонки на меня изливались ощутимо горячие волны биотоков. Не считая себя неотразимым мужчиной, я объяснил ее внимание завоевательским, агрессивным темпераментом девчонки. Всех других она, очевидно, уже завоевала, я был новым объектом завоевания.

У них была легкая атмосфера в их компании. Чем-то они напомнили мне нью-йоркских моих друзей. Все открыто и спокойно и без чопорности веселились. Когда я предложил выкурить джойнт и извлек его – они обрадовались. Покурив травы, я, однако, заметил, что за тонкой пленкой веселья у нас просматривались настороженность в глазах и свои у каждого цели.

Будущая рыжая блядь, наевшись стейка, разделанного странно молчаливой мамой Изабель (по телефону у меня сложилось о ней другое представление. И это ради ее смеха я приехал в Монтрэй), – стейк оказался ее любимой едой, – возбудилась еще более. После буйного веселья, воинственного танца по всей квартире, она остановилась предо мной, швырнула плетку на пол и, глядя на меня наглыми, полуулыбчивыми, но очень серьезными глазами женщины, твердо держащей в руках мою судьбу, приказала: «Подыми!»

«Откуда она знает, откуда так чувствует?» – подумал я, ведь никто не учил ее. Некоторое время я, колеблясь, смотрел на рыжую. Красивое личико сморщилось во властную гри-

маску, глаза были совершенно безжалостные. Присутствующие молчали. По лицу мамы Изабель блуждала, ослабевающая, стеснительная улыбка. Я был слегка «хай» от шампанского и травы, но я понял, что нужно поднять, и поднял плетку, подчиняясь восьмилетней госпоже. Дитя, из женщины опять став дитем, довольно захохотало.

– Сурово она тебя, – сказал Марко, переходя на «ты».

– Видишь ли, Марко, – начал я тоном ученого, – мы с ней, несмотря на возрастную дистанцию, принадлежим к одной из вечных классических человеческих пар. Я и она в сочетании способны причинить друг другу максимум страданий и, что почти то же самое, – счастья. Мы – «Поэт и Гетера». Твоя дочь этого не знает, но чувствует. Биология...

Мы принялись развивать эту тему, к нам присоединилась Сюзен. Перешли на другую тему. Мы смеялись, затихали, марихуана вдруг открывала в собеседнике бездну, но тотчас эту бездну вышучивала и закрывала плоской поверхностью. Устав, Эммануэль тихо улеглась возле меня, задрав ноги на пуф. Из-под длинной юбочки до меня доносился запах непроветренной ее пипки. Порывами. Прибудет, и исчезнет, и опять прибудет... Я некоторое время раздумывал, приятен мне запах, смешанный с запахом детской мочи, или нет. Я нашел, что приятен... Долго нюхать ее мне не привелось. Отдохнув, она вскочила, схватила большое перо, в него была вмонтирована ручка (Лошадь Сюзен подарила эту гадость Марко-писателю), и стала щекотать мне шею. Я вскочил, погнался за ней и принялся обстреливать ее мандариновыми корками, их множество уже было разбросано вокруг, никакого порядка в обеде не соблюдалось, десерт был подан в одно время со стейками. Швырял я в нее корки серьезно, желая попасть. Она удивительно честно и красиво пугалась, визжала и пряталась от моих безжалостных мандариновых корок.

В два часа ночи, с большим скандалом, ее увел спать Марко. Чувствительная, как животное, от моего внимания она сделалась истерически взвинченной, и большого труда стоило ее успокоить.

Так как идеал был насильственно уведен, следовало обратиться к реальным женщинам. Эпизодические гости исчезли. Супруги, улыбаясь, бродили по квартире, и на лицах их я не обнаружил никакого желания, чтобы гости ушли наконец. Я подумал, а не трахнуть ли мне исследовательницу славянских литератур. Марко, мы вместе что-то делали на кухне, уже успел сообщить мне, что она лесбиянка. Я отнесся к сообщению скептически.

– В наше время, Марко, – сказал я, – все желают быть интересными и необыкновенными. Я убежден, что многие называют себя лесбиянками или гомосексуалистами исключительно из мелкого тщеславия. Мне кажется, что американке такого роста, в ковбойских сапогах, безвкусной юбке, в очках, нелегко найти мужчину в Париже.

– Она не любит мужчин, – заметил Марко. – Мы пытались, между нами говоря, с Изабель затащить Сюзен в постель. Сопrotивляется... Зажметса и не дает. – Югослав снял темные очки и посмотрел на меня без очков. Порозовевшая физиономия его и чуб, свисающий на глаза, были мне необыкновенно симпатичны.

Я почувствовал к нему братскую любовь и нежность. Еще я почувствовал гордость за мое поколение, такое доброжелательное и нетяжелое. Но я не прекратил его анализировать. «Они пытались затащить...» Этим провокационным замечанием он пытается дать мне знать, что они не против того, чтобы затащить кого-либо в постель. Я вспомнил смех Изабель по телефону... Я решил остаться с ними. Но, как это часто бывает, случайность расстроила наши планы в последний момент.

Не рассчитав марихуанной силы (это была бессемянная, я привез лучшую!), Сюзен способна была разговаривать, но неспособна передвигаться. Но по железной американской причине, в которую мы все поверили почему-то, ей нужно было возвратиться chez elle в квартиру на рю Монмартр, у Ле Халля. Умолив нас вызвать такси, поверженная башня стала ползком двигаться к лестнице. Я сжалился над башней и взялся отвезти ее. Выгрузив великаншу на рю

Монмартр, я мог вернуться к себе на Архивы пешком через Ле Халль. Мыслей о захвате ее тела у меня, кажется, не было.

Несмотря на предрождественский мороз, она не очнулась ни в такси, ни на рю Монмартр. Я изрядно помучился, подымая ее на второй, всего лишь, этаж без лифта. Отыскав у нее в сумке ключи – она в этот момент сидела, вытянув гулливеровские ноги поперек маленькой французской лестничной площадки, и пыхтела, – я втащил ее в квартиру. За нее платил университет богатого нефтяного штата, квартира была большая. Протащив через салон, я возложил великаншу на кровать в спальню. С подушки свалился розовый слон, почивавший на ней ранее, а с великанши свалились очки. Пытаясь понять, что она пытается мне сказать, я пригляделся к ней и нашел ее вовсе недурной девушкой. Без очков у нее оказались большие глаза; рот, может быть, потому, что она перестала им управлять, выглядел крупным и сочным; из створок пальто, прорвавшись через блузку, выскользнула большая, белая с розоватым соском грудь. «Мазэр! Ох, мазэр!» – простонала она и протянула руку в моем направлении.

Я вспомнил безумную строчку Лимонова «Я Великая мать любви», и она показалась мне менее безумной. Я сел на кровать и склонился над телом. «Я здесь, май дир... Я с тобой, моя герл!» Одну руку я положил на белую грудь, другой, удалив волосы со щеки, я провел по ее губам. Все еще принимая меня за мать, оставшуюся в нефтяном штате, она поймала мои пальцы губами и стиснула их. Боясь, что она меня укусит, если откроет глаза, я был готов выдернуть их в любой момент, но, обхватив два пальца губами поудобнее, она стала сосать их, как дети сосут соску или материнскую грудь. Может быть, в марихуанном сне ей привиделось, что мать дала ей грудь?

Сюзен поняла, что я не мама, только после получаса езды на ней. Очнувшись и поняв, что с ней происходит, что мужчина лежит меж ее неприлично раскинутых ног и энергично пытается разбудить к жизни ее уснувший (от лесбийских утех или воздержания) орган чувствования своим членом, она попыталась сбросить меня.

– What are you doing, Marco?!¹³ – закричала она. – What are you doing?

– Молчи, – сказал я. – Я хорошо тебе «дуинг». Помнишь вашу американскую поговорку «Если не можешь избежать насилия, расслабься и получи удовольствие»? – На то, что я не Марко, я не стал ей указывать, поймет сама. Да и какая, в сущности, разница?

Рациональная, почти профессор, она преодолела страх или отвращение к мужчине и втянулась в то, чем мы занимались. Может быть, и лесбиянка, но она оказалась на высоте, никакой скидки ей давать не пришлось. В некоторой ее неуклюжести был определенный шарм. У больших женщин хороши ноги и зады. И вот я с большим удовольствием лежал меж высоких ног великанши. Эрудит, я вспомнил соответствующие строчки Бодлера. Я решил доказать ей, что никакое лесбийское удовольствие не может сравниться с сексом с женщиной. Я не считаю себя сверхсамцом, и у меня случаются срывы, есть моменты в моей жизни, которые мне стыдно вспоминать, но в ту ночь я был в хорошей форме. В лучшей, кстати сказать, чем с Сержантом.

К утру я замучил ее, заездил, у нее заметно обострились скулы. В порыве благодарности и откровения она призналась мне, что ее дедушка был поляком и что она не спала с мужчиной семь лет! Уже одевшись, я, из хулиганства поставив ее в дог-позицию, выебал ее толстой красной свечой, оказавшейся на неиспользуемом ею пыльном камине, и она получила, к моему недоумению, быстрый и могучий оргазм, взыв, как прижатая сигаретой обезьяна. Размякшую и мокрую, как после бани, я оставил ее отсыпаться, а сам суперменом пошел меж заборов отстраивавшегося Ле Халля, размышляя о том, что секс есть не только биологическая операция, но и единственный доступ к нормальной жизни. Что сексуальные отношения дают право на прикосновения, на переплетение телами. В то время как в безлюбные периоды человек бродит на дистанции, как холодное небесное тело...

¹³ «Что ты делаешь, Марко?» (англ.)

Вечером позвонила Изабель.

– Эдвард? – И она замолчала. Во время этой паузы я уже понял, чего она хочет. – Я рядом с тобой, у Бобура. Покупала рождественские подарки. Я могу к тебе зайти? Ты не занят?

– Разумеется, – сказал я. – Я буду рад. Только у меня ничего нет выпить. Есть марихуана.

– Я куплю вина, – сказала она.

Я открыл ей, и мы обнялись. У нее был, как я уже отметил, крупноватый нос. Поцелуй ее заставлял догадываться, что она занимается этими делами серьезно, глубоко и профессионально. И что другие ее actions¹⁴ в этой жизни второстепенны. Она захлопнула дверь ногою, и мы, пятясь, свалились на матрац.

Далее я хотел бы накатать на полсотни страниц лекцию о сравнительном качестве женских задов и ляжек, но грубый писатель-профессионал во мне затаптывает нежного любовника, потому ограничусь указанием на то, что у латиноамериканки было обыкновенное, чуть рахитичное тело женщины из слаборазвитой страны. Зад грушей, худые ноги, уставшие, опустившиеся крупные груди с несвежими сосками (их усосала рыжая!). Но, как неподвижное бревно спрятавшейся в ил электрической рыбы аккумулирует в себя энергию электрическую, Изабель аккумулировала дичайшее количество энергии сексуальной. На Изабель следовало не смотреть, но трогать ее. Любовь она делала грустно, сумрачно, депрессивно, как, может быть, ее католические прабабушки оплакивали Христа или погибших в очередной резне маленьких своих мужчин с красными дырами в белых рубашках, босиком лежащих в зале маленькой церкви. В моменты оргазмов Изабель плакала.

Он позвонил ночью. Марко, ее муж. Закутавшись в хозяйкино ватное одеяло, мы поедали оставшийся еще с нашествия Сержанта паштет. Он сказал:

– Добрый вечер, Эдвард. Как вы там, все хорошо?

– Да, – сказал я. – Все прекрасно. – Мне было не совсем понятно, что он имеет в виду. Мой секс с его женой? Подобные вещи меня не удивляли уже много лет, однако то, что мужья не только не возражают, чтобы их жены делали любовь с другими мужчинами, но и хотят беседовать с этими мужчинами, меня удивило. – Ты хочешь говорить с Изабель, Марко? – предложил я.

– Да, если можно, – сказал он ласково.

Она улыбнулась и высвободила из-под одеяла голую руку:

– Да, маленький... – Жестом она указала мне на наушник – дескать, возьми, послушай.

Я взял, хотя мне почему-то было стыдно. Остатки самурайского воспитания в офицерской семье? Я делал любовь с большим количеством чужих жен до этого.

– Тебе там хорошо, маленькая? – спросил он. – Эдвард с тобой хорошо обходится?

– Очень. – Она грустно улыбнулась мне.

– Я счастлив, – сказал он действительно счастливым голосом. – Может быть, вы хотите приехать? Я купил шампанского.

– Хочешь, поедем к нам? – сказала она, оторвавшись от трубки. – У нас осталась масса еды. У Марко в гостях девочка из «Либэ»...

Я вдруг понял, что мы не полностью морально разложились, но сохранили почти буржуазное, чистое приличие в словесном общении. Она не сказала мне: «Эй, Эди, поехали к нам, устроим оргию, ты выебешь девочку из "Либэ" – ее только что ебал Марко, – и будем ебаться все вместе», – но сформулировала все красиво.

– Ок, поедем! – согласился я, подумав, что когда же я научусь жить размеренно и нормально. После трех месяцев монашества и мальдороровского презрения к миру вот я опять по горло в грехах и похоти мира. Я улыбнулся своей библейской формулировке – «грехам и похоти».

¹⁴ Действия (англ.).

– Эммануэль легла? – осведомилась жена у мужа. Телефонная трубка проурчала утвердительно. – Эдвард, Марко хочет тебя о чем-то попросить!

– Да, Марко! – Умелый фальшивомонетчик, я тотчас перенял тональность их бесед. Сумрачную мокрую ласковость.

– Захвати, пожалуйста, немного твоей травы, если еще осталась, – попросил он. – Очень хорошая была трава.

– Непременно, дорогой.

– Я вас обоих целую, – сказал он. – До встречи...

Девочка из «Либэ» оказалась похожей на актрису Кароль Буке и, так как я люблю эту актрису, тотчас завоевала мое расположение. Не знаю, чем они занимались с Марко до нашего прихода, но, будучи младше всех нас, девочка рано устала и захотела уйти. Марко напугал ее невозможностью вызвать такси, сказал, что ни он, ни я не в силах ее проводить, потому что перекурили травы, придумал дюжину ужасов, и она осталась. Постелил ей на диване в салоне, оставив меня в раскладном кресле. Марко выключил свет и вышел в спальню к супруге. Сделалось тихо. Я был уверен, что это временная тишина, слишком уж бодрым и веселым выглядел Марко, уходя.

Я разделся и, не ложась в кресло, лег к «Кароль». Она была в тишорт и юбке. Сунув руку под тишорт, я погладил груди. Большие и прохладные. «Ох, но!.. – вздохнула она неэнергично. – Я устала!» Вне сомнения, она не лгала, оставалось узнать, настолько ли она устала, что откажется от любви. Я занялся сдвиганием юбки, а она приподнялась в постели, вздыхая и зевая, и в этот момент появился голый и очень белый в темноте Марко с полустоящим членом.

– Вам удобно, ребята? – прошептал он. Подойдя к «Кароль» с другой стороны, Марко поправил подушку под ее локтем. И взялся за юбку с другой стороны.

– Я устала, boys... – сказала она тихо.

– Да-да... – Марко оставил юбку и приподнял тишорт. – О, какое великолепие! – воскликнул он и потрогал обе груди. Наклонился над ними и захватил сосок в рот.

– Марко! – Грустный голос Изабель прибыл из спальни.

– Пойди, Эдвард! – сказал Марко, просовывая руку под юбку «Кароль». – Изабель ждет тебя...

– Чего она хочет? – глупо спросил я.

– О, она тебе скажет, чего она хочет...

Я увидел, как вырастает на моих глазах (как дерево из семечка в научно-популярных телефильмах) член Марко, отклонившись в сторону «Кароль», как подсолнечник к солнцу.

В спальне Изабель лежала на спине, отбросив простыни, прикрыв глаза рукой. В их дешевом HLM¹⁵ для бедных было так тепло, что время от времени они открывали окна. Грудь, выкормившие рыжую девочку, свалились в стороны. Отверстие удовольствий было прикрыто клоком черных волос. Я лег на нее. Из салона доносились шепоты Марко и «Кароль», потом шепоты перешли в равномерный скрип дивана.

Марко явился в спальню вместе с первым серым светом утра в щели затворенного окна. Я дремал, прижавшись к мягкому заду Изабель.

– Какие вы красивые, ребята! – воскликнул Марко. – Вы выглядите потрясающе!

Изабель пошевелилась.

– И ты красивый, Марко... – сказал я, открыв один глаз.

– Я не люблю цвет моей кожи, – серьезно заметил он, – альбиносная какая-то... Маленькая, – он наклонился к Изабель, – тебе было хорошо?

– Да, очень хорошо... – прошептала она. – А тебе?

¹⁵ Специальные дома для малоимущих.

– Не очень. Девочка оказалась слабенькой. Уснула с моим членом в ней... – Марко положил руку жене на живот, погладил его, съехал ниже и взъерошил, раздвинув, шерсть на отверстии. – О, красная! – с уважением произнес он. Во всех его восклицаниях и разглядываниях была определенная невинная искренность. – Эдвард, маленькая, покажите мне, как вы это делаете?!

– Уймись, – сказала она тихо. – Ложись спать...

– Ну пожалуйста, маленькая...

Она потерлась коленом о простыню, и зад ее под моим животом вздрогнул. Следуя сигналу, вздрогнул и мой член.

– Эдвард! – воскликнул Марко, заметив. – Ты хочешь ее... Вы друг друга хотите!

Со вздохом, надвинув на лицо подушку, латиноамериканочка съехала на спину. Раздвинула ноги. Я, приняв ее движение за приглашение, закинул на нее ногу.

– Нет, не так... – прошептал он. – Мне не будет видно. Маленькая, прими другую позу, пожалуйста, стань как собачка...

– Марко!

Но он уже переворачивал ее, ставил на колени. Она сгребла одеяло и сунула в него голову, отставила зад.

– Можно? – сказал он и коснулся моего члена. – Я хочу сам ввести тебя в нее... – Ведомый рукою мужа, член мой, раздвинув латиноамериканские сизо-черные волосы, вошел в отверстие, которое, согласно строгим стандартам прошлых времен, должно принадлежать исключительно ему. Добрый, он делился со мной.

Она плакала, дрожа приближалась к оргазму (Марко только что прервал меня, чтобы, кончив в жену, – до этого он мастурбировал, глядя на нас у края постели, – уступить мне место), когда за моей спиной, от двери, капризный голосок прохныкал:

– Что вы тут делаете без меня?!

– Возвращайся немедленно в свою спальню! – закричал отец. Сняв руку с живота жены, сквозь который прошупывал мой член, вскочил с колен.

– Я хочу быть с вами! – истерично заверещала Эммануэль.

– Дура! Тебе рано! Есть вещи, которые могут делать только взрослые...

– А-аааааа! – зарычала, подняв высоко зад, мама Изабель и разрыдалась, резко опустив зад к матрацу.

Все стихло. Хлопнула входная дверь. Это, не выдержав наших страстей, сбежала от нас «Кароль».

Новый год я праздновал в окружении семьи. У меня в студии, по причине наличия камина. За праздничным столом. Рыжеволосая дочка принесла мне подарки. В камине пылал огонь. Марко, в черном свитере, склонив голову так, что чуб спал ему на глаза, сидя на стуле, неумело наигрывал на гитаре. От электрической плиты, где Изабель готовила пирог, доносились запахи корицы и кардамона...

К лету чудно сложившаяся семья, увы, развалилась. Причинами послужили зависть, высокомерие, эгоизм – и мой собственный, и других членов семьи, включая нашего ребенка. То есть, как видите, вовсе не секс, сплотивший нас. Однако некоторое время жизнь наша была великолепна.

Падение Мишеля Бертье

В войну он был начальником отдела разведки при де Голле, в начале пятидесятых вышел в отставку и так как всегда имел наклонности к литературе, то решил развить именно эту сторону своей натуры. И вот уже около сорока лет «шэр колонэль» существует в качестве писателя, критика и журналиста.

Я шел к нему в буржуазный дом в седьмом аррондисмане, дабы лично преподнести ему новую книгу. Раз в год он приглашал меня и уделял мне час-полтора из запасов своего, уменьшающегося куда быстрее, чем мое, времени. И граммов сто из запасов своего лучшего виски. В самые первые годы моей жизни в Париже мы встречались чаще. Очевидно, я был ему более интересен или же он еще не ценил свое время на вес золота, ныне же я шел на традиционную ежегодную, или, точнее сказать, ежекнижную, встречу.

Я вынул листок записной книжки (я имею привычку брать с собой лишь нужный мне лист, не таская всей книжки) и, следуя ему, набрал код. На щитке загорелась зеленая точка, и я, с трудом отведя массивную дверь всем своим весом, вошел внутрь. Собственно, подумал я, он мог бы со мною и не встречаться. Даже я видел уже в мире достаточно персонажей, и повторение многих из них начинает меня раздражать. Но, кажется, я ему всегда нравился. Вначале заинтересовал его моей первой книгой, затем второй, и так как он, очевидно, находил во мне все еще не известные ему черты... В холле его дома было тепло и чисто и хорошо пахло парфюмом, может быть, это были специальные духи для холла, как существует, например, туалетная вода для автомобилей и туалетов классных отелей? Или же это запах жидкости для чистки ковровой дорожки, ею устлана лестница? Я вошел в лифт и осмотрел себя в зеркале. Пригладал волосы рукой. Прикрыл дверь и нажал на кнопку шестого этажа. Его книги (я прочел одну и перелистал еще одну) оставили меня равнодушными. Я понял, что он, несмотря на войну, никогда по-настоящему не разозлился. Он был ок, писатель, но таких писателей в наше время много. Он принадлежал к племени здравомыслящих добрых дядь, их сочинения повествуют о торжестве вялого добра над таким же вялым и неэнергичным злом. Мне было непонятно, как он смог сохраниться таким хорошим в грязи войны. Я, даже в грязи мирного времени, пересекши три страны, сделался твердо и уверенно нехорошим, война, я думаю, сделала бы меня монстром. Его сочинения в точности соответствовали его внешнему облику дядюшки-профессора. Седовласый, пухленький, розовый лик с несколькими подбородками, одетый в хорошие шерстяные костюмы, всегда с отлично подобранным галстуком, склонный к добропорядочному консерватизму в одежде, Мишель Бертье предстал мне из автобиографической книги о своем детстве добропорядочным семилетним мальчиком. Другом еврейских польских мальчиков того времени. В коротких штанишках, однако уже тогда не расист, он защищал слабых, возвышал свой детский голосок, протестуя против насмешек и издевательств над плохо говорящим по-французски сыном польского беженца.

На лестничной площадке шестого я привычно свернул налево. Подняв руку к звонку, я подумал, а почему я общаюсь с ним ежегодно, в чем причина? Я надеюсь, что он опять напишет хвалебную статью о моей книге? Перевалив за 65 лет, Мишель Бертье, как это принято во Франции, автоматически сделался известным писателем. Французский писатель получает блага и известность за выслугу лет, подобно моему папе в Советской армии (там проблема решена бесстыдно: чем больше лет прослужил офицер, тем большее жалованье он получает...). Статья известного Мишеля Бертье о моей книге мне не помешает. Однако я уже перешел из разряда дебютантов в профессионалы, и мне не приходится ждать каждую статью с замиранием сердца, я уверен в себе, и желающие написать о моей книге всегда находятся. Зачем же я иду к нему? А, вот, я понял... У меня вспышка интереса к нему. Лишь год назад я узнал, что Мишель Бертье был офицером разведки. Это обстоятельство его биографии возвысило его

в моих глазах необыкновенно. За пухлым улыбчивым мсье писателем я видел теперь всегда спектр молодого человека в униформе, и ради этого молодого офицера я простил Бертье его упитанные мидл-классовые книги.

Я позвонил. Возник и стал, усиливаясь, приближаться шум шагов. Не мужских, но женских. Жена Бертье, норвежка, сухая, высокая женщина, шла открывать дверь. Многочисленные замки защелкали, отворяясь.

– Бонжур, мадам!

– Бонжур, мсье Лимонов, коман сова, проходите! Мишеля еще нет, но он скоро будет.

Завешанная картинами и картинками прихожая. Особый запах музея, приятный, запах давно высохших красок, старых рам и благородного, скрипучего, но ухоженного паркета. Я позавидовал запаху. Я тоже чистое животное, но когда пещера небольшая, и в ней обитают двое, и вторая половина (красивая и своенравная) много курит, то запах есть. И запах еды присутствует, и сырости, и... Я имею то, что я имею... Если книгам его и жене-норвежке я не завидовал, то запах квартиры Бертье нравился мне больше, чем запах моей.

Церемония снятия бушлата, затем передвижения по коридору (несколько белых дверей прикрыты) в гостиную. В гостиной еще картины, но уже основные богатства: несколько хороших сюрреалистов, пара латиноамериканских известных художников (их я ценю меньше) и даже одна большая работа человека, которого я знал в свое время в Москве, не бесталанная, но все же находящаяся скорее в пределах этнографии, чем искусства. Ни один стул не сдвинут со времени моего прошлого визита. Сейчас она мне покажет, куда мне сесть, и предложит выпить. Покажет на диван, на ближнюю секцию его, а выпить я возьму «Шивас Ригал». Точно, именно на ближнюю секцию дивана указала ее подсохшая рука в благородных кольцах. Садитесь.

Из хулиганства я сел не на диван, но в «его» кресло. Она с удивлением взглянула на меня, но прошла к бару. Отворила створку.

– «Шивас Ригал»?

Интересно, каким методом она пользуется для запоминания... Записывает? Я уверен, что семья Бертье общается еще с по меньшей мере несколькими сотнями индивидуумов. Дух противоречия шепнул над ухом: попробуй взять водку!

– Водка стрэйт, если можно...

Она чуть вздрогнула спиной, но налила мне водки. Я терпеть не могу водку, и, отхлебнув полглотка, я мысленно выругал свой собственный дух противоречия, неуместно разыгравшийся сегодня.

– Как вы переживаете холода? – спросила она, усаживаясь в другое кресло и закуривая. – Насколько я помню, вы живете в мансарде в третьем? Надеюсь, у вас не очень холодно?

«Вот такими трюками, – подумал я, – Бонапарт завоевывал сердца солдат. "Шивас Ригал", место жительства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.